

—

Девушка, вернувшись с сосиской на гриле, увидела эту сцену, и ее глаза тут же покраснели. Не обращая внимания на грязь, она протянула руку и подняла Цзян Хэна на руки.

Она уставилась на мужчину: «Ли Пин, ты вообще человек? Как ты мог так поступить с таким маленьким котом?»

Мужчина усмехнулся: «Всего лишь зверь. Если он тебе так нравится, почему бы тебе не забрать его домой и не вырастить самой?»

Он уставился на девушку: «Тыпустила этого кота, да? Такой грязный, кто знает, сколько на нем бактерий, если я подхвачу инфекцию, ты оплатишь мои медицинские счета?»

«Ты!»

«Что я? Столовая компании — это не твой дом, чтобы делать все, что захочешь».

Он брезгливо взглянул на кота у нее на руках: «В следующий раз не дай бог мне увидеть этого зверя, иначе это будет уже не просто удар ногой».

Цзян Хэн наблюдал, как мужчина элегантно уходит, и в глубине души молча сказал:

Он не грязный, он каждый день принимает ванну.

Он просто...

Просто не может отмыться.

...

Большинство людей все же были добрыми, и когда мужчина ушел, вокруг девушки собрались несколько человек.

«С этим котом все в порядке?»

«Такой маленький кот, его так далеко отбросило, наверное, не выживет?»

«Выглядит таким несчастным...»

Внезапно кот на руках девушки застыл, согнувшись, и его стошнило прямо на нее.

Люди в толпе испугались, девушка, держа кота, растерялась: «Что с ним?»

Женщина лет тридцати протиснулась к ней. Она взяла кота на руки, не брезгуя, пощупала его всего, говоря на диалекте, которого Цзян Хэн не понимал.

Цзян Хэн в полусознании слышал, как девушка сказала:

«Что? Кошачий инфекционный перитонит!»

Из толпы донесся вздох: «Такой маленький кот, грех какой».

Кто-то посоветовал: «Оставь его, у тебя зарплата три тысячи в месяц, ты даже себя прокормить не можешь, как ты можешь заботиться о коте?»

Цзян Хэна и белого кота в конце концов положили в цветочную клумбу рядом со столовой. В пустой миске рядом с ними лежал кошачий корм, купленный неизвестно кем, а также консервы и несколько сосисок.

Это был самый обильный обед, который он ел после того, как стал котом.

Но у Цзян Хэна уже не было аппетита.

Он лежал на земле, наблюдая, как белый кот жадно ест перед ним, и его некогда тощий живот заметно округлился.

Как воздушный шар, который все больше и больше надувается.

Белый кот перестал есть, подошел и потерся о него: «Ты в порядке?»

Цзян Хэн чувствовал жгучую боль в груди, он подозревал, что мужчина сломал ему ребро.

Но по сравнению с другим, боль в груди уже ничего не значила.

Кошачий инфекционный перитонит...

Даже если он не держал котов, он, просматривая видео, более или менее знал об этой болезни с очень высокой смертностью.

Если и было что-то более печальное, чем его неделя скитаний и осознание, что прошло четыре года, так это, пожалуй, внезапное обнаружение, что он совсем недолго проживет.

Жизнь за последнюю неделю словно говорила ему:

По сравнению с ранней смертью в восемнадцать лет, превращение в кота, кажется, не так уж и неприемлемо.

Поэтому все эти дни он подбадривал себя в душе, говоря себе, что это ничего страшного.

У него нет аппетита, он не в духе... это всего лишь его неприспособленность к жизни из человека в кота.

Неожиданно, оказалось, что он болен...

Увидев, что он долго молчит, белый кот в некоторой растерянности подтащил к нему банку кошачьих консервов: «Ешь это, это вкусно, поешь, и тебе станет лучше».

Ему уже не станет лучше...

Цзян Хэн опустил глаза, те эмоции, которые он насильно подавлял, медленно поднимались в невыносимой боли.

Мусорная куча воняла, испорченная еда была отвратительной, он не мог драться с другими котами, он был как крыса, которую гонят по улице, куда бы он ни пошел, ему приходилось поджимать хвост, даже люди его обижали...

Прошлые восемнадцать лет были как короткий, иллюзорный прекрасный сон.

...

Шлеп!

Кристально чистая капля воды расцвела на травинке горьким цветком.

«Я снова умру...» — Сказал Цзян Хэн.

«Босс...» Белый кот был немного растерян.

Цзян Хэн скривил губы, как будто улыбался.

«Сяо Бай, ты знаешь Лу Ичуаня?»

Хвост слегка изогнулся вверх.

«Он мой самый-самый лучший друг».

Он словно хвастался перед Сяо Баем, а словно утешал себя.

«Если бы он все еще был рядом со мной, те, кто меня обижал, никуда бы не сбежали. Он бы избивал их до тех пор, пока у них не выпадут зубы и не потекут слёзы, а потом им оставалось только плакать и извиняться передо мной».

«Они бы плакали и говорили: 'Уважаемый кошачий господин, это я, ничтожество, был слеп и случайно разгневал вас, вы, великий, не обращайтесь внимания на ничтожество, простите меня, хорошо?'»

«Я их ни за что не прощу, они слишком сильно преступили черту!»

Но...

Поднятый хвост, казалось, потерял последнюю опору и медленно опустился.

Но Лу Ичуаня уже не было рядом с ним.

—

Лу Ичуань резко проснулся на кровати.

Его рука, свисавшая сбоку, судорожно дергалась, словно потеряв контроль, грудь тяжело вздымалась, глаза были чернильно-черными.

Было три часа ночи, в университете царила тишина, уличный фонарь за балконом пропускал немного света, отбрасывая расплывчатые тени ветвей платана на бежевый пол.

Он смотрел на колеблющиеся тени, не в силах понять, реальность это или иллюзия. Лишь сильная боль в сердце напоминала ему, что он всё ещё жив.

Лу Ичуань перевернулся и встал с кровати. Не включая свет, он просто вышел на балкон, пользуясь внешним освещением.

Тени деревьев слегка колыхались на ветру, он провел рукой по мокрым прядям волос на лбу, обнажая бесстрастное лицо.

Без челки, это лицо в ночи выглядело мрачным и глубоким, бледное, с черными глазами.

В этот момент он был больше похож на ходячего призрака, чем на человека.

Лу Ичуань отпустил руки и открыл кран чтобы вымыть руки.

Он мыл их очень тщательно, убедившись, что на руках нет грязи, только потом тщательно вытер влагу. Когда пальцы стали совершенно чистыми, он медленно положил руку на грудь.

Грудь была горячей, но кончики пальцев прохладными. Через тонкую ткань он прижал их к сердцу, аккуратно обводя кончиками пальцев твердый контур, скрытый под одеждой, — тонкий, шершавый, соединенный черной нитью, висящей на шее, аккуратно спрятанный у сердца, изо дня в день согревающийся его теплом, приобретая такую же температуру, как и он сам.

Листья издавали тихий шелест, тени на полу сильно вытянулись, ночь была безмолвна. Перед зеркалом стройная фигура застыла, словно мраморная статуя.

Простояв на балконе неизвестно сколько времени, Лу Ичуань повернулся и вернулся в комнату. Он открыл ящик у кровати, внутри которого тихо лежал коробочка, в тусклом свете едва можно было разглядеть надпись «Витамины».

Он открутил крышку и обнаружил, что флакон уже пуст.

Он закрыл глаза, прижал неосознанно дергающиеся пальцы, бросил флакон, схватил лежащую рядом куртку и вышел из общежития.

Цзян Хэн не спал, посреди ночи он открыл глаза и смотрел на редкие звезды на небе, в его глазах не было никакого блеска.

Белый кот, обнимая найденный где-то мячик, мирно спал в углу, а старый рыжий кот, волоча раненую заднюю лапу, медленно подошел к нему.

Он толкнул Цзян Хэна на землю, опустил голову и лизнул котёнку в живот.

Будучи человеком, Цзян Хэн очень не любил такое проявление привязанности со стороны котов. Он оттолкнул рыжего кота, перевернулся и встал, затронув рану в груди, от боли он тихонько зашипел.

Дахуан обеспокоенно посмотрел на него: «Ты в порядке?»

«Конечно, я в порядке», — ответил Цзян Хэн, — «меня просто пнули, с моей физической формой я поправлюсь за два дня».

Рыжий кот ничего не сказал, просто спокойно смотрел на него.

Под его взглядом глаза Цзян Хэна медленно опустились, и из его рта вырвалось очень тихое, едва слышное всхлипывание, которое, если не прислушиваться, можно было принять за иллюзию.

Перед Дахуаном, он всегда был гораздо более откровенным, чем перед Сяо Баем.

«На самом деле, все очень плохо».

«Я умираю, Дахуан».

«Я прожил всего неделю и уже умираю. Я...»

Далекий свет, перевалив через пятнистую стену переулка, упал на Цзян Хэна. Его худая фигура вытянулась, отбрасывая искаженную тень на землю.

Одинокий.

«Когда я только проснулся и стал котом, мне не было так грустно, даже если жизнь была очень тяжелой, я чувствовал, что это то, что я заслужил, ведь я украл чужую жизнь, я сделал его таким, возможно, это наказание для меня...»

«Я тогда подумал, что когда я морально подготовлюсь, я пойду их искать, даже если не скажу им, что стал котом, я все равно пойду посмотреть, хорошо ли у них дела. Но...»

«Я не ожидал, что сейчас уже четыре года спустя».

Четыре года, кажется, не так уж мало и не так уж много, но эти всего лишь четыре года были достаточны, чтобы изменить многое.

Достаточно, чтобы человек закончил университет, достаточно, чтобы семья пережила горе...

Время не изменило его, но оно изменило все вокруг него, и в конце концов, только он один остался в прошлом.

«Я тогда подумал, что даже если мои родители не признают меня, это неважно, я могу пойти к Лу Ичуаню, я буду вести себя мило и умолять его приютить меня...»

На этом месте его голос немного дрогнул: «Но как же так внезапно прошло четыре года...»

Время подобно текущей воде. Чем дальше оно уходит, тем слабее становятся чувства. Столкнувшись с пропастью времени, то, в чём он был уверен, вдруг потеряло всякий смысл.

Откуда у него такая уверенность, что человек, который умер четыре года назад, все еще может занимать очень важное место в сердце другого человека?

В животе снова началась боль, Цзян Хэн раскрыл рот и несколько раз сплюнул. Но он ничего не ел во второй половине дня, поэтому ему нечего было рвать.

Рыжий кот жил долго и, естественно, видел много.

Он сидел рядом с Цзян Хэном: «Ты болен».

В мире животных нет благородной лжи, он самым спокойным тоном сообщил ему самую жестокую правду: «Если ты не получишь лечения, ты проживешь максимум чуть больше месяца».

Цзян Хэн на мгновение замолчал, затем спросил рыжего кота: «Ради чего ты живешь?»

Рыжий кот впервые получил такой философский вопрос от кота, и подумав некоторое время, ответил ему:

«Солнце, воздух и вода».

В природе все нужно добывать самому, только эти три вещи — дар небес.

Белый кот перевернулся на другой бок и продолжал спать, рыжий кот снова подошел, чтобы вылизать шерсть Цзян Хэна. Худой котёнок сжался в его объятиях, его тень была скрыта рыжим котом, а звезды безмолвно мерцали.

Спустя долгое время, он объявил рыжему коту: «Я хочу отсюда уйти».

Рыжий кот перестал вылизывать шерсть, но в его глазах не было заметно горечи расставания:

«Куда ты хочешь пойти?»

В тишине ночи раздался лай нескольких собак, Цзян Хэн встал. Он, как и каждый день, когда выходил на поиски еды, поднял голову, поднял хвост и громко объявил:

«Я собираюсь пойти в университет, в который не успел поступить в своей прошлой жизни».

—

<http://bllate.org/book/14493/1282693>